

Павел Бажов

Аметистовое дело

Не про людей, про себя сказывать стану. В те годы, как народ валом в колхозы пошел, я уж в немолодых годах был. Вместо русских-то кудрей плешину во всю голову отрастил. И старуха моя не молодухой глядела. Раньше, бывало, звал ее песенной машинкой, а теперь вроде точильного станка вышло. Так и точит меня, так и точит: того нет, этого нехватка.

- У людей мужики обо всем позаботятся, а у нас, как приплетется да в бане выпарится, так и на боковую. И ни о чем ему думушки нет!

К той поре мы с ней вдвоем остались. Младших дочерей пристроили, а трое сыновей давно в отделе жили, всяк свое хозяйство завел. Старуха и в том меня винила, что в избе пусто стало.

- Из-за тебя это! Из-за твоего злосчастливого ремесла!

- Чем, - спрашиваю, - мое ремесло помешало?

- Известно, - отвечает, - чем. Во всяком доме старики хозяйство ведут, землю пахнут, хлебушко сеют, молодым распоряжок дают, а ты что? До старости ума не накопил. Бегаешь по каменным ямам. Дома-то гостем бываешь.

Я, понятно, урезониваю ее:

- Живем все-таки. Детей вырастили. По миру никто не хаживал. Не лежебока, поди, я у тебя: зарабатываю сколько-то. Что еще надо?

Старуха, знай, свое толмит:

- По твоим-то трудам нам бы в каменном доме жить, а мы этот хоть маленько подправить не можем. Стены-то, гляди, насквозь просвечивают, да и печка, того и жди, повалится. Хозяин! А все потому, что хлебушком не занимаешься. В деревне век прожили, а куричешкам овес с купли! Где это слыхано?

- Дура ты! - говорю. - Я, поди, дорогой товар добываю. Это тебе не овес - где посеял, там и вырастет. Искать приходится. Зато попадет, так за три воза твоего овса в кошельке принесешь.

- Не упомню, - отвечает, - такого случая, чтоб ты по три воза овса в кошельке приносил. Не при мне, видно, такое было. Чаше с пустым приходил. Помнишь - жаловался: "Не пофартило мне, Марьюшка, на этой неделе. Ничего, почитай, не добыл". А я-то сдуру ему наговаривала: "Не тужи, Иванушка! Не всяк день солнышко, бывает и слякиша". Забыл про это?

- А помнишь, - опять спрашиваю, - ту щеточку камешков, на которую мы корову купили? А тот камешек, что на Васильеву женитьбу хватило? Да мало ли у меня веселых находок бывало!

- Не забыла, - говорит, - и это. Как найдешь, что повеселее, так и уберешься в город сбывать, да и шатаешься там нивесь сколько, а я тут бьюсь-колочусь с ребятами да о тебе думаю, не убили бы. Нет, одна мука твое ремесло!

Одним словом, не сговоришь с ней. А бить ее, как иные-прочие делали, у меня в заведение не было, да и не такой мы судьбы, чтоб об этом даже подумать. Знал я, что она одна-разъединая на всем белом свете меня жалела, да и теперь жалеет по-настоящему. Ворчит-ворчит, а баньку про меня, небось, спозаранок натопит, перемывку наготовит, кусок посытнее найдет, а когда и словом утешит. Помню ее-то присловье: "Не тужи, Иванушка, не все солнышко, бывает и слякиша!"

Другая на ее-то месте давно бы от меня ушла, а мы с ней троих сыновей да двух дочерей вырастили, и все они не на смеху у людей живут. Признаться, и то было, что сам за собой вину чуял. Старуха моя правду говорила. Ремесло мое - и верно - не по месту пришлось.

Деревня наша, по-старому считать, в Ирбитском уезде приходилась. Народ тут сплошь хлебушком занимался да коноплей маленько. И скот тоже разводили. Родители мои, от коих мне этот дом в наследство перешел, были природные пахари да оба, на мою беду, в молодых годах померли, оставили меня несмысленным на горькое сиротское житье. Про хозяйство, конечно, и разговаривать нечего: его живо растащили те благодетели, у которых я сперва кормился, а потом

работать стал. Ворочать на чужого дядю, известно, нигде не сладко, а все лучше, как не в своей деревне. Я и убрался на прииски, где золото да камешки добывали. Недалеко от нас это место. На приисках я и получил эту каменную заразу.

Из всех камней мне больше аметист полюбился. Камень не больно дорогой, из самых ходовых, а чем-то взял меня. Да и как взял! Бывало, добудешь щеточку и знаешь, что красная цена ей рублевка, а любишься на полную десятку да еще жалеешь, что сдавать придется.

Как в полный возраст пришел, домой потянуло. Дай, думаю, покажусь своим деревенским, чтоб знали, что не загиб. Да и на дом родительский поглядеть охота, - совсем его растащили мои благодетели али сколько оставили. Пришел в самый весенний праздник. Родительский дом оказался в сохранности. Благодетели, видишь, все на него нацелились, один другому не давали растаскивать, - дом и уцелел. Оглядел я, вижу: не больно корыстно, а жить можно. Пошел потом на гульбище, за деревню, где хороводы водили. Деревенские ребята меня за чужака приняли, отшибить хотели, да подступить боялись. Видишь, каков уродился. На-днях вон Колютка, внучонок мой от старшей дочери, говорил: "Дедушка! У тебя рука- то в полном развороте, как аэропланово крыло". Так и есть. На ходу ненароком могу человека с ног сбить. Недаром в потемках сторонятся. Думают, не колокольня ли по земле пошла. Вот ребята и не знали, как подступить. Ну, я не стал до драки доводить, сказался, что за человек. По этому случаю выпили, конечно. Так, самую малость, потому я приверженности к этому не имею. На празднике когда для веселости выпью стакан-два, а чтоб допьяна напиваться, - этого у меня не бывало.

В тот же вечер я со своей нынешней старухой встретился. Ее-то доля горше моей оказалась. Мать с ней проходом по нашей деревне шла да в одночасье и умерла, а ее оставила годочков трех либо четырех. Только и знали, что звать Машей, а чья, из какого места, так и осталось неизвестно. При покойнице никаких бумаг не оказалось. Чтоб суд да полиция не наехали и деревню не разорили, захоронили эту проходящую потихоньку, а девчущечку богатому мужику в дочери отдали. Дальше и пошло по посказульке.

Росла Настя - колотили часто, выросла Настасья - пошла по напастям да без передышки. От одной отобьется, другая навалится. Думала- думала, решила с белым светом проститься, да на дороге кудряш попался. Поглядела девка на незнакомого парня, а он и говорит: "Не торопись, красавица, к тому, постой с этим. Не покаешься! Головой ручаюсь, а она, видишь, кудрявая. В пустой игре такую не поставят". Девка и остановилась. Посудачили малость, на другой день опять встретились. Так и пошло, а вскоре, глядишь, и свадьбу сыграли.

У нас с Марьюшкой из точки в точку по этой сказке и вышло. Сразу почуяли, что наша судьба по одной дороге пошла. Раздумывать долго не стали, пошли в церковь: обвенчаться желаем. Нам сперва отказали: нельзя, потому невестины годы неизвестны. "Как, - говорю, - неизвестны, коли она в этой деревне выросла, на глазах у всех?" - "Это, - отвечают, - мало значит, что на глазах росла. Бумага нужна, в какой день она родилась и каких родителей дочь". Ну, вижу: словами тут ничего не добьешься. Отдал им два камешка позанятнее. Тогда нашли ходок, записали на того богатого мужика, которому сперва она в дочери была отдана. И стала моя Марьюшка Афанасьевной, даром что этот Афанасий самым лютым ворогом ей оказался. Ну, в этом важности нет.

Обвенчали нас, и стала в деревне новая пара: Иван Долган да Марья с Голого поля. Силы да здоровья нам обоим у людей не занимать. Хотели сперва хозяйствовать, как другие наши деревенские. Коровенку купили, пару овец завели, курицешек сколько-то. При родительском доме огород был обширный. Городьбу поправили, засадили во-время. Места у нас не тесные. Накосить травы не то что для одной коровенки, а и для двух- трех при моих-то руках, прямо сказать, плевое дело. Все бы ладно, да на лошадке спотычка вышла. По времени, может, лошаденку и огоревали бы, да прибавок к ней большой требуется: телега да сани, сбруя да снасть разная. Без

благодетелей никак не обойдешься, а они, эти благодетели, нам с Марьюшкой солоно пришлось. Так у нас полного хозяйства и не вышло.

Убежал я опять на прииски работать. Правду сказать, и камень тянул меня. Не умею тебе объяснить, в чем тут сила, а тянул. Вроде не жадный я, на большое богатство никогда не льстился, а добыть новый камешек охота. Ну, и народ приисковый как-то ближе деревенского стал. Так мы с Марьюшкой и жили. Помогал я ей при посадке огорода да в сенокосную пору. Зимами тоже маленько, а больше на приисках колотился. В гражданскую войну ушел с приисковыми в полк "Красных Орлов". За войну меня ранили в ногу при перебежке в цепи. По мякоти пришлось. Сквозная рана, пустяшная. Через месяц опять под ружье встал.

Как покончили с Колчаком, домой воротился, и тот же порядок у нас повелся: в деревенские дела не вникал, все на приисках да на приисках. Как колхозы стали строить, мы с Марьюшкой и оказались ни при чем. Не браковали меня, конечно, потому хозяйство трудовое, безлошадное, и сам на войне добровольцем был. Звали даже, да как пойдешь, коли ты не плотник, не каменщик, не чеботарь, не шорник, а из всех сельских работ одно знаешь - косить да стога метать. Марьюшка больше понавыкла. Она и телят растила, и за птицей ходила, и капусту выращивала хорошую. Таковую работницу с радостью бы приняли, да разве она без меня пойдет?

Сперва в колхозе-то здешнем немало сумятицы было. Кулаки всякую пакость подстраивали. Ко мне даже один подбегал с разговором, да я этих благодетелей с малых лет понял. Так на него цыкнул, что больше ни один из таких ко мне не сунулся. Потом, как кулаков выселили, дело пошло гораздо лучше. Все наши ребята, конечно, с первых лет в колхоз записались. Меньшак-то - он успел подучиться маленько - полеводом стал; большак - он у меня в гражданскую войну кавалеристом был, - так его конным двором ведать определили; средний при машинах находился, потому он раньше в кузнице работал; обе дочери тоже при деле. Только мы со старухой, как две галки на прясле в непогожий день осенью: самим обидно, и со стороны на нас глядеть тоскливо. Тут вот старуха и принялась точить меня. Ребята тоже уговаривали. Особо меньшак Петруха старался:

- Брось ты, тятя, своими камешками заниматься! Узенькое это дело, мелкое, когда и вовсе напустую сходит.

- Как, - говорю, - так?

- Очень, - отвечает, - просто. Много ли народа твой камешек увидят? Да и всяк ли разберет, что тут красота есть? Вот и выходит, по узкой тропочке твой камешек идет. Мало кому радость приносит. А напустую чаще выходит. Один понимающий найдет - полюбуется, другой понимающий огранит - тоже полюбуется, а достанется тот камешек дураку, которому ни до чего нет дела, лишь бы блестело. Крашеную бумажку подложить под стекло - ему и то ладно.

- Это, - соглашаюсь, - бывает, да не в том сила, и камень сам меня тянет.

Объясняю ему, а он по-своему разумеет:

- Этак же струя из сортировки бежит. Чем она гуще да зерно полнее, тем краше. Глядел бы, не отошел!

Втолковываю ему, что в нашем деле главное - особина камня. В одном синего больше, в другом - красного, третий желтит сильнее, а разница есть. От одной щетки отломи, и то, на привычный глаз, отличить можно.

- Если приглядеться, - отвечает Петруха, - и в зерне это найдешь. Одно в одно никогда не сойдется. На том и торговое дело поставлено. А если тебе уж так полюбилось на сине-алое с желтым смотреть, так и это найдем.

- Где, - говорю, - такое в вашем колхозном деле?

- А вот недавно послали меня на Красноуфимскую семенную станцию за клевером. Видел я там,

как из-под "кускуты" - машина такая есть - сине-алая струйка бежала. Куда твоему аметисту! Ох, только и клевер у них! По нашим местам таких семян добиться не могут. У нас больше бурые с краснинкой семечки выходят, а у них синего много. Потому и называется - красноуфимский фиолетовый. Из сортов сорт! На всю страну славится.

Тут и начал Петруха про клевер рассказывать. Любил он про это говорить. Ну, грамотный, слова подбирать научился, послушать любо, да и от души сказывал про свое живое. В конце похвалился: - Будут и у нас аметистовые семена! Тогда и увидишь, лучше или хуже живая семенная струя против твоего сине-алого камешка.

Потом спохватился:

- Постой! Мне ведь опять скоро ехать на семенную. Поедем со мной. Поглядишь.

И что ты думаешь? Съездил ведь я, видел эту самую "кускуту". Машина как машина. Сита да валики. Умно придумано, чтоб куколь и другие сорняки отгонять. Да не в этом дело. Не приучен я в машинах разбираться. А вот как пошла по корытцу сине-алая с желтинкой струя, тут уж я глаз оторвать не мог. Вроде самого лучшего камня, да еще в таких переливах, каких мне видать не приводилось.

Ну, а кончилось это тем, что нас со старухой приняли в колхоз. Не на отшибе от людей теперь живем, а специальность моя называется - клеверное семеноводство.

Добился-таки я фиолетовых-то семян! Мы ведь, горщики, приметливы. Без этого нам нельзя. А клевер что? Та же кашка. В наших местах по-дикому растет, и белая и красная. Бывало, на передышке лежишь на травке, разомнешь у поспелого цветка головку и видишь, что семена разные: одни полнее, другие потощее. Начинаешь разбирать, почему такое? Еще сломишь одну-две головки с других кустов. Оно и видно станет: на котором кусте головок меньше, там и семена полнее. Вот я и стал потом, как в колхозе к этому делу подошел, лишние головки обрывать. Сперва, понятно, на малом месте, на одной грядке. Вижу: хорошо пошло, расширяться с этим стал, а тут и отборные вручную семена сказываться начали. Теперь у нас как клеверная струя при очистке бежит - залюбуешься. Нарочно люди приходят, чтоб на нее поглядеть. Про меня и говорить нечего. Как маленький, жду этих дней. А ведь дело-то какое!

На-днях вон новый полевод - наш-то Петруха погиб на войне с проклятыми фашистами - вычитывал на собрании, что к концу пятилетки по нашей стране под укос должно пойти что-то свыше двадцати миллионов гектаров многолетних трав. Подумай, сколько семян потребуется. А ведь клеверок - он всем травам трава. Не только сверху богатство дает, а больше того в земле накапливает. Семечко дорогое! А наше и того дороже, потому не бурое, не красник, а сине-алое, аметистовое.

Вот и выходит, что я при аметистовом деле остался, только теперь моя старуха не ворчит, а похваливает:

- В самую точку, Иванушка, придумал! Это и Петрухе нашему память, как он всегда о клевере хлопотал, да и дело самой широкой руки. Не чета твоим камешкам!

Это она, конечно, зря про камешки-то судит. Не понимает, старая, да и Петрухе покойному не умел я втолковать, что камень никогда себя не потеряет и сила тут не в одной красоте. Война вон, сказывают, показала, что даже каменные отходы, которые в огранку не брали, на большое дело пригодились. Ну, я об этом помалкиваю. Не ворошу старого. В одном старуха права - уж очень это широкое дело и вглубь далеко идет. Прямо сказать, землю молодит. И глазам утешно на живую аметистовую струю поглядеть. Будто все аметисты, какие добыл за свою жизнь, перед тобой проходят, да и те видишь, какие в горах остались.